АРБИТРАЖНАЯ ПАНОРАМА

Под редакцией
Р. О. Зыкова

Арбитражная Ассоциация
Москва
2026

УДК 331.109.648
ББК 67.711.2 А79

16+

А79 **Арбитражная панорама** / под ред. Р. О. Зыкова. – М.: Издательство «Перо», 2026. – 562 с.
ISBN 978-5-00289-210-5

Книга подготовлена коллективом ведущих практикующих специалистов в области международного арбитража.

В книге рассматриваются актуальные вопросы международного арбитража в свете современных глобальных вызовов, вопросы осуществления доступа к правосудию, беспристрастности арбитров, применимого права, полномочий арбитров, параллельных разбирательств, смены места арбитража, арбитража БРИКС, инвестиционного арбитража.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, исследователей, преподавателей высших учебных заведений, практикующих юристов, арбитров, судей и других специалистов.

ISBN 978-5-00289-210-5

УДК 331.109.648
ББК 67.711.2 А79

Все права защищены © Арбитражная Ассоциация, 2026

BGP LITIGATION | комплексная правовая поддержка

>70 млрд долларов США
совокупная стоимость споров в 2024-2025 гг.

- Международный коммерческий арбитраж (ICC, LCIA, SCC, SAC, SIAC, HKIAC, DIAC, CAS, FOSFA, GAFTA, МКАС при ТПП РФ, РСПП, РАЦ, UNCITRAL, ad hoc и другие)
- Инвестиционный арбитраж (ICSID, UNCITRAL)
- Российские и иностранные судебные разбирательства
- Признание, приведение в исполнение и оспаривание арбитражных и судебных решений
- Оспаривание санкций, споры с регуляторами
- Форензик и поиск активов
- Заключение арбитражных и пророгационных соглашений
- Медиация и переговоры
- Особые поручения и ситуации

Право-300
- Международные судебные разбирательства 2019-2025
- Международный арбитраж 2018-2025

Коммерсантъ
- Международные судебные разбирательства 2021-2026
- Международный арбитраж 2020-2026

bgplaw.com

17 проектных юрисдикций за 2024-2025 гг.

- Представление интересов компаний и предпринимателей в институциональных и ad hoc коммерческих арбитражах
- Защита суверенов и частных инвесторов в инвестиционном арбитраже
- Ведение споров в иностранных судах и координация параллельных разбирательств

45 арбитражных разбирательств за 2024-2025 гг.

Сергей Морозов
МГУ. LL.M. (Pepperdine)

Партнер BGP Litigation, руководитель практики «Международные споры и санкции»

Более 15 лет опыта в арбитраже в консалтинге и инхаусе

Допущен к практике в России и штате Нью-Йорк

Заместитель председателя правления Российской арбитражной ассоциации (РАА)

Руководитель рабочей группы РАА по инвестиционному арбитражу

Включен в список арбитров Russian Arbitrators Guide

RAA40 Top 10 Young Arbitration Practitioners

sergey.morozov@bgplaw.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 15
Зыков Р. О.

Какое право применять к арбитражной оговорке? 17
Кайсин Д. В., Кизько И. М.

Перспективы применения адъюдикации в России 35
Пагов А. Ж., Понамарев В. О.

Смена места арбитража 60
Зыков Р. О.

«Перенос» места арбитража 101
Александрова А. А.

Доктрина *lis pendens* и арбитраж: Case Study на примере дела МКАС 145
Кульков М. А., Чернышенко Н. С.

Res judicata: анализ подходов в судебной и арбитражной практике 158
Кругликов Б. С., Тюсина О. В.

Особенности работы экономических экспертов в международном арбитраже: актуальные вызовы и последняя практика 214
Нефедьев В. В.

Обязанность арбитра раскрыть информацию 235
Каримуллин Р. И.

Iura novit arbiter: теория и практика 280
Анищенко А. И., Дубешко В. В., Кругликов Б. С.

Трансформация практики толкования понятия *ordre public* в свете контрсанкционного регулирования при признании и приведении в исполнение решений арбитража 313
Родичкина И. Е.

Проблемы установления компетенции российского арбитражного суда при признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 339
Власов Д. С., Мовсисян Л. К., Петрова А. Р.

Нормативный застой в инвестиционном арбитраже: является ли инвестиционный арбитраж катализатором экологического кризиса? 385
Мальцева А. В., Каджая Н. Т.

Защита инвесторов, пострадавших от санкций, в инвестиционном арбитраже 420
Морозов С. В., Журбин А. А., Иксанов А. М.

Эволюция двусторонних инвестиционных договоров на примере Республики Индия: к вопросу о защите прав инвесторов в новых реалиях 456
Соколовский Н. Г.

Допустимость параллельных разбирательств в инвестиционном арбитраже 494
Борисов А. А., Ядыкин А. И.

БРИКС как уникальный формат для глобального развития арбитража 524
Гребельский А. В.

Сопровождение споров и экспертные услуги

Международная экспертная фирма с глобальным присутствием и широкой сетью экспертов по всему миру. Консультанты с уникальным опытом: более 65 международных и локальных разбирательств с суммами ущерба до $10 млрд.

Готовим экспертные заключения и участвуем в перекрестных допросах по правилам арбитражных центров и локальных судов

ICC HKIAC SIAC ICSID LCIA SCC PCA DIAC UNCITRAL DIFC-LCIA ICAC Европейские суды Суды России и СНГ Высокий Суд Англии и Уэльса

Управляющий партнер, эксперт

Владимир Нефедьев

Более 20 лет опыта в сфере форензик, антикризисного управления, экспертной поддержки в спорах и судебных разбирательствах.

Регулярно назначается экспертом в рамках споров, связанных с комплексной оценкой ущерба. В некоторых случаях величина ущерба превышала $10 млрд.

ТОП-10 экспертных фирм по средней величине иска GAR 100 2025

ТОП-10 экспертных фирм в нефтегазовом секторе GAR 100 2025 GAR 100 2026

LEXOLOGY INDEX ARBITRATION 2026

Fidem Research Group

>50 перекрестных допросов в портфолио экспертов

>150 экспертных отчетов подготовлено командой

>$60 млрд ущерба рассчитано командой

Наши услуги

- Расчет ущерба, включая оценку и комплексное моделирование
- Анализ экономических последствий
- Анализ данных бухгалтерского и управленческого учета
- Форензик и финансовый анализ
- Поиск активов и реконструкция потоков денежных средств
- Расследование случаев корпоративного мошенничества
- Управление кризисными ситуациями
- Расчет ущерба и анализ задержек в строительных спорах
- Пересмотр цены контракта

fidemrg.com

В-третьих, контрсанкционное регулирование не может подменять условия для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, перечень которых является закрытым и установлен в статье 5 Нью-Йоркской Конвенции. Именно поэтому не может являться основанием для отказа, например, отсутствие у иностранного кредитора российского счета.

В-четвертых, публичный порядок, в том числе, нацелен на защиту интересов государства. Беспочвенный отказ в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения в пользу иностранного лица создает репутацию непривлекательной юрисдикции, что в долгосрочной перспективе может привести к значительному ухудшению инвестиционного климата в России, а также подорвать доверие и сотрудничество с другими государствами в рамках принципа взаимности.

Данные выводы можно обобщить в двух ключевых направлениях, способствующих совершенствованию процесса признания и приведения в исполнение арбитражных решений: 1) ограничительное толкование института публичного порядка в правовом контексте с исключением политических, экономических и иных внеправовых факторов и 2) установление определенного стандарта доказывания разумного применения к иностранному кредитору норм контрсанкционного регулирования.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЙСКОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА ПРИ ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

1. Введение

Решения иностранных арбитражей и международных коммерческих арбитражей (арбитражные решения) признаются и могут быть принудительно исполнены в разных юрисдикциях во многом благодаря Нью-Йоркской конвенции[1] (**Конвенция**), в которой участвуют 172 государства (это примерно 94% всех стран-членов ООН)[2].

Конвенция устанавливает правила для признания и приведения в исполнение арбитражных решений[3], в том числе устанавливает основания для отказа (статья 5), однако в ее тексте не содержится положений, определяющих все процессуальные аспекты принудительного исполнения. Более того, статья 3 Нью-Йоркской конвенции прямо относит данные вопросы к дискреции государств-участников. Из-за отсутствия единых процессуальных норм порядок приведения в исполнение, как правило, отличается в зависимости от конкретной юрисдикции, что создает сложности для сторон на этапе приведения в исполнение арбитражных решений.

Авторы: Власов Дмитрий Сергеевич — адвокат (МГКА), LL.M. (Queen Mary University of London). Мовсисян Луиза Кимовна — адвокат, старший юрист АБ «Кульков, Колотилов и Покрышкин». Петрова Анастасия Романовна — юрист АБ «Кульков, Колотилов и Покрышкин».

[1] Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). URL: https://www.newyorkconvention.org/text (дата обращения: 24.03.2025 г.) (Нью-Йоркская конвенция).

[2] Список государств-участников. URL: https://www.newyorkconvention.org/contracting-states (дата обращения: 30.03.2025 г.).

[3] Для краткости изложения далее по тексту под термином «приведение в исполнение» подразумевается также и процесс признания иностранных арбитражный решений.

Российская Федерация, будучи государством-участником Нью-Йоркской конвенции, взяла на себя обязательства по обеспечению признания и принудительного исполнения решений, вынесенных арбитражами на территории других государств. Применимые к этой процедуре нормы содержатся в главе 45 ГПК РФ[4], главе 31 АПК РФ[5] и разделе 8 Закона о МКА[6].

Хотя процесс приведения в исполнение в России достаточно подробно урегулирован нормами процессуального законодательства, на практике заявители нередко сталкиваются с рядом препятствий. Проблемы во многом связаны с вопросами определения компетенции российского суда при рассмотрении соответствующих заявлений.

Так, при установлении компетенции российского арбитражного суда могут возникнуть следующие сложности:

во-первых, в ряде случаев суды, в результате неверного толкования статьи 242 АПК РФ, указывают на недопустимость подачи заявления о приведении в исполнение, если место нахождения должника расположено за рубежом, несмотря на наличие активов должника на территории России (**Проблема (А)**).

Во-вторых, практические трудности может вызвать вопрос установления категории имущества, наличие которого на территории России позволяет заявителю обращаться в российский суд. Если наличие у должника недвижимых или движимых вещей в России выступает для судов понятным активом для установления компетенции, то другие виды имущества, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги) не всегда принимаются судами как достаточное основание для установления компетенции (**Проблема (Б)**).

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм.) (ГПК РФ).

[5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм.) (АПК РФ).

[6] Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации) (с изм.) (Закон о МКА).

2. Проблема (А): Тест по статье 242 АПК РФ («золотой стандарт») и девиации в судебной практике

2.1 Определение российскими судами компетенции на рассмотрение заявлений по статье 242 АПК РФ: применение двухфакторного теста

Особое значение среди процессуальных норм, применимых к приведению в исполнение арбитражных решений, имеет статья 242 АПК РФ, первая часть которой содержит альтернативные основания для определения подсудности:

«Заявление о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений подается стороной, в пользу которой принято решение (далее — взыскатель), в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника либо, если его место нахождения или место жительства неизвестно, по месту нахождения имущества должника.» (выделено авторами).

Аналогичная норма содержится в части 9 статьи 38 АПК РФ (исключительная подсудность). Однако обе эти нормы устанавливают идентичные правила относительно подсудности при приведении в исполнение иностранных решений и не разрешают вопрос с Проблемой (А)), а простое их дублирование в кодексе представляется сомнительным.

Статья 242 АПК РФ устанавливает двуступенчатую проверку судом возможности рассмотрения дела в отношении лица, против которого вынесено решение иностранного суда или иностранное арбитражное решение. Алгоритм определения компетенции, вытекающий из буквального толкования комментируемой статьи, предполагает последовательное выполнение следующих действий: (1) установить нахождение должника, (2) установить наличие имущества должника, если место нахождения должника неизвестно. При этом применение второго условия (фактор-2) в указанной (буквальной) интерпретации спорно, а его альтернативное, и на наш взгляд, более корректное толкование изложено в п. 2 раздела 1.1 ниже[7].

[7] Для целей более полного анализа практики приведения в исполнение в России в настоящей работе учитывается практика как иностранных арбитражных решений, так и решений иностранных судов. Основанием для включения в анализ обоих типов решений является единство процедуры их приведения в исполнение (статья 242 АПК РФ). Иными словами, проблемы, возникающие при приведении в исполнение этих двух типов решений, во многом идентичны.

2.1.1 *Установление места нахождения должника (фактор 1).* В первую очередь суд определяет место нахождения (место жительства)[8] должника.

Пункт 1 статьи 20 ГК РФ[9] прямо указывает, что местом жительства гражданина (независимо от страны гражданства) признается место, где тот постоянно или преимущественно проживает. Тогда как место нахождения юридического лица — место его государственной регистрации на территории России путем указания наименования населенного пункта[10]. Если лицо является иностранным, его место нахождения определяется местом его учреждения (статья 1202 ГК РФ[11]), и, как правило, подтверждается выпиской из торгового реестра страны происхождения[12].

Фактор-1 является достаточно формальным и считается установленным, если должник зарегистрирован на территории России. Отметим, что даже если должник фактически осуществляет деятельность на территории Российской Федерации (и, казалось бы, находится в России), но в ней не зарегистрирован, то такая деятельность еще не свидетельствует о месте нахождения должника в России. Это лишь указывает на потенциальное наличие у иностранного должника имущества (фактор-2).

Так, например, в деле *Гелон против Таджик Эйр*[13] взыскатель просил признать и привести в исполнение окончательное арбитражное решение, вынесенное Арбитражным институтом Торговой палаты Стокгольма (**SCC**)[14], против должника, зарегистрированного в Республике Таджикистан. Решение уже было приведено в исполнение Экономическим судом города Душанбе, однако в России у должника также имелось имущество, на которое можно было обратить взыскание.

[8] Далее по тексту «место нахождения» также включает «место жительство» (физического лица).

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм.) (ГК РФ).

[10] П. 2 ст. 54 ГК РФ.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с изм.).

[12] Абз. 3 п. 19, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 23).

[13] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 09.09.2024 по делу № А40–50240/2024.

[14] Далее мы называем Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма — Стокгольмский арбитраж.

Суд путем исследования выписки из Единого государственного реестра налогоплательщиков установил, что должник фактически осуществляет деятельность в городе Сочи, поскольку состоит там на учете в налоговых органах. Но так как место регистрации должника находилось за пределами Российской Федерации, суд отнес установленные им сведения не к фактору-1, а к обстоятельствам, подтверждающим наличие у должника имущества (фактор-2)[15].

В *деле Майр-Тельновой*[16] суд также отнес учет должника (иностранного гражданина) в налоговых органах к обстоятельствам, подтверждающим не место жительство, а наличие имущества должника на территории России, хотя и учитывал при приведении в исполнение, помимо самого налогового учета, наличие открытого счета в Сбербанке (не устанавливая при этом наличие или отсутствие там денежных средств).

Кроме того, согласно судебной практике, даже наличие у иностранного должника представительства или филиала в России не подтверждает его место нахождения, а, как правило, показывает наличие имущества[17].

Так, в деле *Вестфорд Лимитед против АЙЦ Инжиниринг ГмбХ*[18] взыскатель подал заявление по месту нахождения российского филиала должника, который был зарегистрирован в Германии. В силу известности места государственной регистрации должника суд прекратил производство (на наш взгляд, ошибочно), тем самым не учитывая филиал в качестве обстоятельства, подтверждающего место нахождения.

Если суд устанавливает, что должник зарегистрирован на территории Российской Федерации (т. е. российский компании), то дальнейшее исследование наличия имущества должника не требуется, и суд признает свою компетенцию[19].

Как мы видим, в качестве обстоятельств, подтверждающих фактор-1, учитывается лишь место регистрации должника и не учитывается

[15] Здесь мы видим достаточно формалистский подход суда — регистрация субъекта именно как юридического лица необходима и достаточна, иной учет юридического лица в РФ не считается релевантным.

[16] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 03.06.2020 по делу № А40–45916/2018.

[17] Постановление ФАС Московского округа от 12.12.2011 по делу № А40–131046/2010.

[18] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28.06.2018 по делу № А56–19032/2018.

[19] См., например, Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.11.2024 по делу № А56–107719/2024; Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 16.08.2024 по делу № А65–15220/2024; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 23.07.2024 по делу № А40–137854/2024.

учет в российских налоговых органах или наличие представительств или филиалов в России.

Следовательно, если фактор-1 является обязательным и требует своего установления в любом случае, то вопрос, когда, суд переход к установлению фактора-2 (наличие имущества должника в России) зависит от толкования статьи 242 АПК РФ, которое мы обсудим ниже.

2.1.2 *Установление наличия имущества иностранного должника на территории России (фактор 2)*

Фактор-2 сформулирован в части 1 статьи 242 АПК РФ крайне спорно. Если следовать буквальному толкованию нормы, то переход к фактору-2 возможен только в случае, если «*место нахождения или место жительства* [должника — прим. авторов] *неизвестно*». Однако вероятность наступления ситуации, когда место нахождения должника остается неизвестным — минимальная (с учетом того, что в арбитражном решении, которое приводится в исполнение, указываются адреса сторон). Даже в случае смены места регистрации должника после вынесения иностранного решения заявитель, как правило, располагает информацией о стране регистрации. Это позволяет ему, в свою очередь, обратиться в соответствующие государственные органы для установления актуального места нахождения должника. В любом случае почти всегда имеется территориальная привязка.

Если суд признает свою компетенцию на основании наличия имущества иностранного должника, когда известно, что тот находится за границей, это может рассматриваться как невыполнение гипотезы нормы в ее буквальном толковании (установление компетенции по месту нахождения имущества допустимо только, если место нахождения должника неизвестно). В то же время, если суд отказывает в признании своей компетенции и направляет взыскателя в суд по известному месту нахождения должника (т. е. всегда за границу для иностранных должников), это фактически дает должнику защиту от взыскания его активов в России, и тем самым исключается возможность реального и эффективного исполнения арбитражного решения. Такое толкование явно противоречило бы духу и характеру Нью-Йоркской конвенции.

Например, в деле *Алуксес Холдинг Лимитед против Биотек Алген ГмбХ* суд отказал в принятии заявления о приведении в исполнение

решения иностранного суда, вынесенного против иностранного должника (Австрия), указав следующее[20]:

«Суд, оценив представленные к заявлению документы, установил, что местом нахождения (местом государственной регистрации) Биотек Алген ГмбХ является государство Австрия, в связи с чем настоящее заявление не подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Волгоградской области. <…>

На момент рассмотрения спора в Торговом суде города Вена Австрийской республики и при подаче настоящего заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда данный факт был известен заявителю.» (Выделено авторами.)

Апелляционный суд подтвердил подход нижестоящего суда, основанный на буквальном толковании статьи 242 АПК РФ, дополнительно сделав отсылку на возможность и даже необходимость обращения заявителя сначала в суд по месту регистрации должника[21]:

«Установив, что в данном конкретном случае место нахождения должника известно, суд первой инстанции пришел к верному выводу, что настоящее заявление не подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Волгоградской области. Доказательства того, что решение предъявлялось к исполнению в суд по месту нахождения должника, в материалы дела не представлены. <…>

Для реализации своих прав заявитель (взыскатель) не лишен возможности обратиться с соответствующим заявлением в суд по месту нахождения должника». (Выделено авторами.)

Указание судов на необходимость проверки первоначального исполнения арбитражного решения в «домашней юрисдикции» должника встречается и в других делах, в том числе на уровне Верховного Суда РФ (**ВС РФ**)[22]. Тем не менее, такая практика не является верной: во-первых, она напоминает принцип «двойной экзекватуры», ранее применяемый на основании Женевской конвенцией[23], но впоследствии устраненный в результате принятии Нью-Йоркской конвенции

[20] Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 08.04.2019 по делу № А12–3942/2019.

[21] Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2019 по делу № А12–3942/2019.

[22] См., например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.09.2023 по делу № А76–8417/2023, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.03.2017 по делу № А40–183971/2016, Определение ВС РФ от 11.09.2017 № 305-ЭС17–9080 по делу № А40–183971/2016.

[23] Конвенции Организации Объединенных Наций о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Женеве в 1927 г.). URL: https://www.

(см. раздел 1.3 ниже). Во-вторых, даже если взыскатель предоставит российскому суду доказательства обращения по месту нахождения должника, это не решит проблему буквального толкования статьи 242 АПК РФ, поскольку и после предъявления к исполнению в его «домашней юрисдикции» место нахождения должника также остается известным для взыскателя. В любом случае подобный подход не соответствует Нью-Йоркской конвенции и не может валидировать буквальное толкование нормы.

В деле *Вестфорд Лимитед против АЙЦ Инжиниринг ГмбХ* взыскатель подал заявление по месту нахождения российского филиала стороны, против которой принято иностранное решение, и указывал на наличие у должника счета в Банке ВТБ, суд первой инстанции также прекратил производство в силу известности места нахождения должника в Германии[24]. В свою очередь кассационный суд обратил внимание на возможность взыскателя обратиться с соответствующим заявлением по месту нахождения должника[25].

В обоих делах взыскателям не удалось признать и привести в исполнение иностранные судебные решения, хотя в каждом из них они ссылались на наличие у стороны, против которой вынесено решение, имущества в России. Это позволило иностранным должникам, которые и так не исполнили обязательные для них решения, избежать принудительного взыскания в РФ вследствие некорректного толкования судами норм АПК и неверного применения фактора-2.

На наш взгляд, правильное толкование фактора-2 (в духе и в соответствии с характером Нью-Йоркской конвенции) должно быть следующим: если место нахождения должника в России отсутствует, то суд исследует наличие имущества должника на территории РФ. При обнаружении имущества, принадлежащего иностранному должнику, суд признает свою компетенцию на рассмотрение заявления о приведении в исполнение. Тем самым решается как вопрос внутренней территориальной подсудности (заявление подсудно суду того субъекта, на территории которого находится имущество должника), так и вопрос компетенции российского суда на рассмотрение спора (наличие акти-

newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/1/0/103_othertreaties-1927-genevaconvention.pdf (дата обращения: 27.03.2025 г.) (Женевская конвенция).

[24] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28.06.2018 по делу № А56–19032/2018.

[25] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.08.2018 по делу № А56–19032/2018.

вов в России дает основание для установления эффективной юрисдикции российского суда).

Принцип эффективной юрисдикции

В этом контексте принцип эффективной юрисдикции, предполагающий определение подсудности по месту, где иностранное решение «*имеет максимально высокие основания для фактического исполнения*»[26], приобретает особую значимость.

Первоначально этот принцип был закреплен в абзацах 2, 4 пункта 31 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55[27], где указывалось, что части 3 статьи 99 АПК РФ (альтернативная подсудность по адресу[28] заявителя либо по месту нахождения имущества должника) была принята «*в целях достижения наибольшей эффективности предварительных обеспечительных мер*». Пленум разъяснил, что суд может отказать в мерах, если их применение другим судом будет более эффективным (например, когда имущество находится в юрисдикции другого суда или когда должник зарегистрирован в другом регионе, или если заявление подано по месту нахождения заявителя, но известно место нахождения должника или его имущества)[29].

Впоследствии принцип эффективной юрисдикции был распространен на принятие российским судом обеспечительных мер в рамках дел, рассматриваемых по существу за рубежом. В пункте 49 Постановления Пленума ВС РФ № 23[30] указано, что эффективная юрисдикция может

[26] В толковании ВС РФ по делу *Майр-Тельновой*. См., подробнее: Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.

[27] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (с изм.). Постановление утратило силу в связи с изданием Постановления Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты».

[28] В редакции на момент опубликования Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 — «*по месту нахождения заявителя*».

[29] Примечательно, что ВС РФ сохранил принцип эффективной юрисдикции применительно к предварительным обеспечительным мерам и в новом Постановлении Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», но в ином виде, указав, что «*принятие предварительных обеспечительных мер по месту нахождения имущества должника обосновано при условии нахождения в рамках юрисдикции суда значительного объема имущества, за счет которого могут быть обеспечены имущественное требование заявителя либо существенная часть данного требования*» (выделено авторами).

[30] Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных

определяться по нескольким критериям: «*по месту нахождения заявителя, либо по месту нахождения денежных средств или иного имущества, в отношении которых заявитель ходатайствует о принятии мер по обеспечению имущественных интересов, либо по месту нарушения прав заявителя*». ВС РФ, по сути, сформулировал определение эффективной юрисдикции как юрисдикции, «*в рамках которой обеспечительные меры могут быть быстро и надлежащим образом исполнены*».

Из этого следует, что, во-первых, принцип эффективной юрисдикции традиционно применялся для определения внутригосударственной подсудности. Во-вторых, данный принцип был сформулирован для того, чтобы суд мог обеспечить реальное и оперативное исполнение по соответствующим заявлениям.

После принятия Постановления Пленума ВС РФ № 23 упоминание «эффективной юрисдикции» все чаще стало встречаться в делах о приведении в исполнение арбитражных решений. Мы полагаем, что это связано с применимостью логики, заложенной в этом принципе, для целей установления компетенции суда в данной категории дел. Заявитель заинтересован в эффективном исполнении решения так же, как и правопорядок, который не подразумевает алеаторного использования системы правосудия, а значит именно наличие активов должно служить маркером, определяющим компетенцию суда.

Ограничительное применение принципа в делах по статье 242 АПК РФ

Тем не менее, первоначально данный принцип стал выступать дополнительным обоснованием отказа суда в признании своей компетенции при наличии подобных обстоятельств.

Так, например, в деле *Сезария Лимитед против Тандум Лимитед*[31] суд рассматривал заявление о приведении в исполнение Лондонского международного арбитражного суда (**LCIA**), вынесенного против лица, зарегистрированного на Кипре. Взыскатель в обоснование компетенции суда ссылался на наличие у должника имущества на территории Российской Федерации — акций российского общества.

Суд первой инстанции, отказывая в признании своей компетенции, указал, что место нахождения должника было известно заявителю как

иностранным элементом».

[31] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.12.2016 по делу № А40–183971/2016.

на момент рассмотрения спора, так и при подаче заявления. Соответственно, суд буквально истолковал норму части 1 статьи 242, никак не прокомментировав ссылки заявителя на наличие у должника имущества (акций) в России.

Кассационная инстанция все же проверила довод заявителя о наличии прав должника на ценные бумаги, однако сослалась на непредоставление им доказательств обращения к регистратору для подтверждения этих сведений[32]. Кассация, руководствуясь принципом эффективной юрисдикции, указала, что заявитель не доказал факт нахождения имущества должника на территории РФ для установления эффективной юрисдикции российского суда, и пришла к выводу о правомерном прекращении производства со ссылкой на возможность заявителя обратиться в суд по месту нахождения должника (т. е. за границей)[33].

ВС РФ в этом деле ко всему прочему добавил, что в материалы дела не представлены доказательства, что арбитражное решение предъявлялось к исполнению в суд по месту инкорпорации должника и отказал в передаче дела в коллегию[34].

Таким образом, суды при рассмотрении дела ссылались на самые разные основания в обоснование отсутствия у суда компетенции на рассмотрение заявления о приведении в исполнение арбитражного решения: (1) известность места нахождения должника за рубежом, (2) отсутствие эффективной юрисдикции ввиду недоказанности наличия у должника имущества на территории Российской Федерации, (3) недоказанность предъявления к принудительному исполнению решения по месту нахождения должника. Однако, если следовать двухфакторному тесту, то среди всего многообразия обоснований, приведенных судами, анализу должен был подлежать только вопрос установления наличия имущества должника на территории России.

В других делах о приведении в исполнение (например, арбитражного решения SCC против украинского должника[35], решения Морской арбитражной комиссии при ТПП Украины против должника, зарегистрированного в Белизе[36], решения Международного арбитражного суда при Международной торговой палате (**ICC**) против должника

[32] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.03.2017 по делу № А40–183971/2016.

[33] Там же.

[34] Определение ВС РФ от 11.09.2017 № 305-ЭС17–9080 по делу № А40–183971/2016.

[35] Определение ВС РФ от 14.10.2014 № 307-ЭС14–1887 по делу № А21–8191/2013.

[36] Определение ВС РФ от 24.02.2016 № 308-ЭС15–19723 по делу № А32–2858/2015.

с местом нахождения на Кипре[37]) принцип эффективной юрисдикции был использован судами для обоснования нецелесообразности обращения в российский суд, когда не было доказано наличие активов должника в РФ (т. е. не был установлен фактор-2).

Расширение границ применения принципа эффективной юрисдикции

Только в 2020 году в *деле Майр-Тельновой* ВС РФ дал этому принципу толкование в делах о признании и приведении в исполнение иностранных решений. Так, под эффективной юрисдикцией понимается такая юрисдикция, «*в пределах которой судебный акт имеет максимально высокие основания для фактического исполнения*»[38]. И далее ВС РФ указывает ее частный случай:

> «*В частности, предъявление судебного акта к принудительному исполнению по месту нахождения имущества должника позволяет испытывать взыскателю разумные ожидания на эффективное и быстрое исполнение такого судебного акта за счет имущества, находящегося в юрисдикции государственного суда по месту исполнения*»[39]. (Выделено авторами.)

Примечательно, что в *деле Майр-Тельновой* ВС РФ отошел от буквального толкования статьи 242 АПК РФ, при котором установление компетенции при наличии имущества должника в России возможно только, когда его «*место нахождения или место жительства неизвестно*». Принцип эффективной юрисдикции в толковании, данном ВС РФ, выходит за рамки буквального толкования комментируемой статьи и подразумевает исследование судом доводов, позволяющих стороне получить реальное исполнение, что соответствует духу и характеру Нью-Йоркской конвенции.

В выводах ВС РФ важно и то, что он признал наличие у иностранного должника имущества на территории России (фактор-2) лишь частным случаем, который может служить основанием для установления эффективной юрисдикции. Так, взыскатель в обоснование эффективной юрисдикции суда ссылался не только на наличие конкретного имущества у должника (денежные средства на счетах в банках РФ, наличие которых признавалось Майр-Тельновой), но и на наличие связи ответчика с Россией ввиду осуществления им трудовой деятельности и фактического

[37] Определение ВС РФ от 21.05.2020 № 305-ЭС20–1295 по делу № А41–6885/2018.
[38] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.
[39] Там же.

проживания в определенные периоды в стране. Эта связь, основанная на совокупности обстоятельств, подтверждала возможное наличие активов в России и, как следствие, эффективную юрисдикцию у российского суда.

Следовательно, эффективная юрисдикция возможна не только тогда, когда у должника имеется имущество в России, и сведения о таком имуществе достоверно известны заявителю, но и тогда, когда взыскатель имеет «*разумные ожидания на эффективное и быстрое исполнение*» иностранного решения ввиду сведений или разумных предположений о наличии у должника имущества в России. Такие предположения должны быть подтверждены доказательствами (например, как в деле *Майр-Тельновой* — фактическое проживание в разные периоды).

После формирования ВС РФ позиции по *делу Майр-Тельновой*, явно указывающей на необходимость определения подсудности по месту, где иностранное решение имеет наибольшую вероятность исполнения, кассационные суды стали чаще пересматривать решения, где нижестоящие суды лишь формально применяли комментируемую статью[40].

Казалось бы, ВС РФ достаточно определенно разрешил проблему, связанную с дефектом изложения нормы статьи 242 АПК РФ, а Определение по этому делу можно назвать «золотым стандартом» для данной категории дел. Однако до сих пор встречаются акты, где суды, по нашему мнению, принимают ошибочные решения, в которых они:

- ограничиваются лишь проверкой фактора-1 и прямо или косвенно указывают на возможность обращения взыскателя в суд по месту нахождения иностранного должника[41];
- автоматически признают свою компетенцию без исследования наличия у иностранного должника имущества на территории Российской Федерации (фактор-2)[42];

[40] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.10.2020 по делу № А40–189018/2019, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.05.2023 по делу № А46–14313/2022.
[41] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.11.2020 по делу № А53–13439/2020, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.06.2021 по делу № А40–128695/2021, Определение Арбитражного суда Челябинской области от 22.03.2023 по делу № А76–8417/2023.
[42] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 01.04.2021 по делу № А40–9755/2020, Определение Арбитражного суда Московской области от 29.07.2024 по делу № А41–105929/2023, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 02.10.2024 по делу № А40–20468/2024.

- игнорируют двухфакторный тест и устанавливают компетенцию на основании статьи 248.1 АПК РФ со ссылкой на место нахождения истца, а не ответчика[43].

Неоправданное расширение принципа эффективной юрисдикции

Тем не менее есть и обратная практика, которая не просто следует позиции ВС РФ по делу *Майр-Тельновой*, но даже выходит за ее пределы, демонстрируя чрезмерно прокредиторский подход. Например, в деле *СИБУР Интернешнл ГмбХ против Кимберли-Кларк*, в котором приводилось в исполнение решение Стокгольмского арбитража, суд установил, что должник находится за рубежом (фактор-1). Исследовав корпоративную структуру группы компаний, суд признал единым экономическим субъектом и должника, зарегистрированного в Великобритании, и российское общество международной группы, к которой он принадлежит[44]. При этом российское общество не являлось дочерним для должника. Однако, по мнению суда, само по себе наличие российского общества, входящего в одну международную группу, свидетельствовало о наличии связи иностранного должника с территорией Российской Федерации.

К выводам суда в данном деле стоит относиться осторожно: российское общество, лишь входящее в группу компаний с должником, не является «имуществом» иностранного должника. Иное бы попросту противоречило конститутивному признаку юридического лица — имущественной (наличие обособленного имущества) и организационной (возможность самостоятельно принимать решения) самостоятельности по пункту 1 статьи 48 ГК РФ. Однако связь международной группы компаний с экономической деятельностью в России, в принципе, может являться свидетельством возможного нахождения имущества самого должника на ее территории, чего требует фактор-2. Но подобное соотношение не должно презюмироваться, требуется установить именно наличие имущества, а не экономических связей должника.

Резюмируя — двухфакторный тест из статьи 242 АПК РФ в его корректной интерпретации позволяет определять как внутригосударственную территориальную подсудность по заявлению взыскателя о признании и приведении в исполнение иностранного решения, так

[43] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.07.2025 по делу № А40–221290/2023.

[44] Далее «дело *Кимберли-Кларк*», Определение Арбитражного суда Московской области от 11.10.2024 по делу № А41–72465/2024.

и общую компетенцию российского суда на основании принципа эффективной юрисдикции, который можно выразить простым утверждением: где нет возможности, там и не будет результата.

Тем не менее, практика применения статьи 242 АПК РФ демонстрирует периодическое отступление от установленного алгоритма в пользу ее буквального толкования, что противоречит самой идее эффективной юрисдикции (не говоря уже о ее несоответствии Нью-Йоркской конвенции). В результате суды порой даже не рассматривают доводы о наличии активов и реальной возможности исполнения решения, ограничиваясь лишь фактором-1.

Как будет показано ниже, история создания указанной нормы, ее соотношение с Нью-Йоркской конвенцией и, наконец, сравнительно-правовой анализ доказывают девиантность буквального толкования и его негативные последствия.

2.1.3 Буквальное толкование статьи 242 АПК РФ противоречит истории ее создания

Указание на возможность признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений по месту нахождения имущества должника впервые появилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988[45]. До этого такая процедура была предусмотрена только для решений иностранных судов государств, с которыми СССР были заключены договоры об оказании правовой помощи, а привести в исполнение такое решение можно было только по месту жительства должника[46]. Однако в обоих указах норма о приведении в исполнение относилась к вопросам внутренней территориальной подсудности, поскольку устанавливала правила о том, какой конкретно суд имеет право рассматривать заявление взыскателя в пределах СССР. В частности, из статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988 следовало:

> *«Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих*

[45] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988 № 9131-XI (с изм.) «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» (далее — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988).

[46] Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12.09.1958 «О порядке исполнения решений судов государств, с которыми СССР заключены договоры об оказании правовой помощи» (с изм.).

областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества.» (выделено авторами).

Статья 11 комментируемого Указа содержала правило о распространении статьи 2, в том числе, и на иностранные арбитражные решения, признание и исполнение которых предусмотрены соответствующим международным договором СССР.

Следовательно, данный Указ прямо предусматривал возможность приведения в исполнение арбитражного решения по месту нахождения имущества должника не только, когда место нахождения должника неизвестно, но и когда должник в принципе не имеет места нахождения на территории СССР (т. е. иностранное лицо). В этом норма Указа отличается от статьи 242 АПК РФ, которая ограничивается лишь первым из упомянутых случаев.

Комментируемая норма Указа была воспринята и ныне действующим ГПК РФ. Несмотря на то, что ГПК РФ напрямую не регулирует подсудность по заявлениям о приведении в исполнение арбитражных решений, в отношении решений иностранных судов ГПК РФ предусматривает следующее[47]:

«Ходатайство взыскателя о принудительном исполнении решения иностранного суда рассматривается <…> по месту жительства или месту нахождения должника в Российской Федерации, а в случае, если должник не имеет места жительства или места нахождения в Российской Федерации либо место его нахождения неизвестно, по месту нахождения его имущества». (Выделено авторами.)

Данная норма применяется к иностранным арбитражным решениям по аналогии закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ). Регулируя один и тот же институт, статья 410 ГПК РФ и статья 242 АПК РФ в их буквальном толковании незначительно, но отличаются. А последняя, ко всему прочему (на наш взгляд, безосновательно) противоречит еще и предшествующей норме, которая содержалась в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988.

[47] Статья 410 ГПК РФ.

Так, в деле *Багдасарова* суды первоначально отметили, что все должники по арбитражному решению проживали или находились в Армении. Наличие недвижимого имущества одного из должников в Московской области, по мнению судов, не являлось основанием для обращения в Московский областной суд. Тем не менее, применив статью 410 ГПК РФ, ВС РФ отклонил выводы нижестоящих судов, сославшись на неопровергнутый «*факт нахождения на территории Московской области объектов недвижимого имущества должника, проживающего в иностранном государстве*»[48]. И хотя взыскателю было известно о месте жительства должника за рубежом (Армения), поскольку статья 410 ГПК РФ допускает признание компетенции суда и в случае, когда оно известно, арбитражное решение подлежало приведению в исполнение в России, то есть по месту нахождения имущества.

Наконец, отметим, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988 продолжал применяться к приведению в исполнение арбитражных решений в части, не противоречащей АПК РФ[49], и восполнял этот пробел до вступления в силу АПК РФ в 2002 г.

В первоначальном тексте законопроекта действующего АПК РФ предусматривалось, что «*Ходатайство о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда подается взыскателем в компетентный арбитражный суд*»[50]. Нормы, аналогичной части 9 статьи 38 или части 1 статьи 242 АПК РФ, в нем не было. В результате текст законопроекта был модифицирован: в итоговую редакцию АПК РФ была включена известная нам формулировка статьи 242, и Указ в этой части перестал применяться в силу его противоречия.

Представляется, что включение в АПК РФ статьи 242 в текущей редакции было обусловлено не столько намерением законодателя создать особую норму, ограничивающую возможности взыскателя по приведению в исполнение иностранного решения, сколько техническим упущением при подготовке законопроекта.

Так, статья 410 ГПК РФ фактически дублирует часть 1 статьи 29 ГПК РФ, которая допускает подсудность по выбору истца при неизвестности места жительства ответчика или отсутствия у ответчика

[48] Определение СКГД ВС РФ от 28.04.2020 № 4-КГ20–14 по делу № 3м-219/2019.

[49] Ст. 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 96-ФЗ «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[50] Ч. 1 ст. 317 проекта Федерального закона № 90066448–3 «О внесении изменений и дополнений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.08.2000).

места жительства в России. Аналогичная норма содержится и в статье 36 АПК РФ:

«1. Иск к ответчику, место нахождения или место жительства которого неизвестно, может быть предъявлен в арбитражный суд по месту нахождения его имущества либо по его последнему известному месту нахождения или месту жительства в Российской Федерации.

<…>

3. Иск к ответчику, находящемуся или проживающему на территории иностранного государства, может быть предъявлен в арбитражный суд по месту нахождения на территории Российской Федерации имущества ответчика.» (выделено авторами).

Если составителям ГПК РФ удалось единообразно перенести норму (по-видимому, так как она находится в одном месте — в части 1 статьи 29 ГПК РФ), то при составлении АПК РФ, вероятно, законодателем была допущена неточность — выделенная формулировка из части 3 статьи 36 АПК РФ не была включена ни в часть 9 статьи 38 (исключительная подсудность по заявлениям о приведении в исполнение, в частности, иностранных арбитражных решений), ни в саму статью 242 АПК РФ.

Это объяснение нам представляется единственно возможным в ситуации, когда по АПК РФ процедура приведения в исполнение не содержит ни особенностей, связанных с экономическим характером споров, ни каких-либо иных отличительных характеристик процесса в сравнении с ГПК РФ, помимо отсутствия в комментируемой норме словосочетания *«если должник не имеет места жительства или места нахождения в Российской Федерации»*[51].

2.1.4 Буквальное толкование статьи 242 АПК РФ противоречит Нью-Йоркской конвенции

Статья 3 Нью-Йоркской конвенции закрепляет важное обязательство Договаривающихся Государств признавать и исполнять иностран-

[51] Кроме того, косвенным подтверждением этому, на наш взгляд, также служит то, что некоторые суды, сталкиваясь с ограничительной формулировкой статьи 242 АПК РФ, до сих пор обращаются к статье 2 по сути утратившего силу Указа Верховного Совета СССР 1998 года, чтобы обосновать компетенцию суда по месту нахождения имущества иностранного должника в ситуации, когда он не имеет места жительства (нахождения) в России. См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.09.2025 по делу № А53–35288/2024.

ные арбитражные решения на условиях не менее благоприятных, чем условия, применяемые к признанию и исполнению внутренних арбитражных решений:

«Каждое Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений, на условиях, изложенных в нижеследующих статьях. К признанию и приведению в исполнение арбитражных решений, к которым применяется настоящая Конвенция, не должны применяться существенно более обременительные условия или более высокие пошлины или сборы, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних арбитражных решений». (Выделено авторами.)

На первый взгляд, статья 242 АПК РФ (даже в ее ограничительном толковании) не противоречит статье 3 Нью-Йоркской конвенции (особенно с учетом оговорки о праве страны-участницы самостоятельно регулировать данные вопросы в ее процессуальных нормах). Действительно, статья 242 формально не устанавливает каких-либо более обременительных условий по сравнению с регулированием подсудности для принудительного исполнения внутренних арбитражных решений (часть 3 статьи 236 АПК РФ[52]). Однако, если взглянуть на историю создания Нью-Йоркской конвенции, то противоречие между ней и российской нормой становится более очевидным.

Так, Нью-Йоркская конвенция задумывалась как средство упрощения процесса исполнения иностранных арбитражных решений в каждой стране-участнице конвенции, тогда как статья 242 АПК РФ в ее буквальном толковании создает препятствия для реализации этой процедуры в отношении иностранных должников (при известности их места нахождения за границей).

Ранее действовавшая Женевская конвенция требовала, чтобы *«арбитражное решение стало окончательным в стране, в которой оно было вынесено»*. Из-за такой формулировки сформировалась практика,

[52] Более того, при принудительном исполнении решений третейских судов также встречаются схожие проблемы. См., например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.10.2017 по делу № А38–1384/2017: *«Адрес Компании известен Заводу с момента заключения дополнения № 5 к контракту от 12.12.2012, а также из материалов третейского дела. Названное обстоятельство Завод не опроверг в кассационной жалобе. Таким образом, суд первой инстанции правомерно возвратил заявление Заводу»*.

требующая «двойное» признание и исполнение арбитражного решения: первое в государстве, где оно было вынесено (чтобы подтвердить окончательность арбитражного решения), и второе в государстве, где испрашивается исполнение. Нью-Йоркская конвенция предложила одновременно прогрессивное и сбалансированное решение: (1) отмена «двойной экзекватуры» и возможность приведения арбитражного решения в исполнение только в той стране, где испрашивается исполнение, и в соответствии с ее процессуальными нормами, и (2) максимальное ограничение оснований для отказа в исполнении[53].

В докладе к предварительному проекту Нью-Йоркской конвенции подчеркивалась важность принятия во всех договаривающихся государствах идентичных последствий арбитражного решения и единых правил его исполнения[54]. В другом докладе, который вносил правки в первоначальный проект, дополнительно подчеркивалось, что слово «только» в статье 5 конвенции демонстрирует, что никакие другие основания, помимо установленных статьей 5, не могут быть использованы для отказа в приведении в исполнение арбитражного решения[55]. На это указывает и Гэри Борн, по мнению которого статью 3 Конвенции необходимо толковать системно вместо со статьей 5, устанавливающей ограниченный перечень оснований для непризнания арбитражного решения[56].

Таким образом, цель Нью-Йоркской конвенции — ограничить основания для отказа в приведении в исполнение арбитражного решения и сделать процесс приведения в исполнение более предсказуемым для сторон. С учетом этого буквальное толкование статьи 242 АПК РФ, вводящее ограничительные условия исполнения иностранных арбитражных решений (по сути, дискриминирующим к иностранным должникам), видится неверным и противоречит замыслу Нью-Йоркской конвенции.

---

[53] Pieter Sanders The making of the Convention // Enforcing Arbitration Awards Under the New York Convention: Experience and Prospects. UN. New York, 1999. P. 4.

[54] Report and Preliminary Draft Convention adopted by the Committee on International Commercial Arbitration at its meeting of 13 March 1953. URL: https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/6/9/69_doc-3–1953.pdf (дата обращения: 28.03.2025 г.).

[55] Report of the Committee on the Enforcement of International Arbitral Awards of 28 March 1955. URL: https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/7/0/70_doc-4-e-ac-42–4-rev1.pdf (дата обращения: 28.03.2025 г.).

[56] Gary B. Born International Commercial Arbitration (Third Edition) // Chapter 26: Recognition and Enforcement of International Arbitral Awards (Updated March 2024). Kluwer Law International, 2021.

Более того, хотя статья 3 Конвенции предоставляет государствам-участникам свободу в принятии внутренних процессуальных норм для регулирования вопросов приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, она не была предназначена для создания лазейки или искусственной преграды, которая могла бы помешать достижению целей, установленных конвенцией.

Напротив, авторы Нью-Йоркской конвенции как раз хотели избежать ситуации, при которой арбитражное решение может быть приведено в исполнение в одном договаривающемся государстве, а в другом — будет отказано из-за различия национальных процессуальных норм[57]. В комментариях к проекту указывалось на три предложения для достижения этого: (1) включение в конвенцию стандартных процессуальных норм, (2) введение «упрощенной процедуры» приведения в исполнение арбитражных решений, (3) приведение в исполнение по той же процедуре, что и для внутренних арбитражных решений[58].

Первоначально Генеральный секретарь остановился на двух последних вариантах: арбитражные решения, признанные в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией, должны приводиться в исполнение в соответствии с упрощенной и ускоренной процедурой, которая в любом случае не должна быть более обременительной, чем та, которая применяется к внутренним арбитражным решениям[59]. Однако впоследствии финальный текст статьи 3 Конвенции сократили до невозможности установления «*существенно более обременительных*» процессуальных норм, чем для внутренних решений.

И хотя финальная формулировка критиковалась в литературе, первоначальная цель принятия статьи 3 (упрощение и ускорение приведения в исполнение арбитражных решений) не вызывала сомнений. Согласно Нью-Йоркской конвенции наличие активов у должника не является условием для приведения в исполнение, поскольку закрытый перечень оснований для отказа в статье 5 Конвенции такого условия не устанавливает. Однако во многих странах само по себе наличие имущества в данной стране выступает достаточным фактором для подтверж-

---

[57] Dimitri Santoro, Forum Non Conveniens: a Valid Defense under the New York Convention // ASA Bulletin, Association Suisse de l'Arbitrage; Kluwer Law International 2003, Volume 21, Issue 4. Pp. 713–735.

[58] Comments on Draft Convention on the Recognition and Enforcement of foreign Arbitral Awards of 6 March 1958. URL: https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/1/3/132_doc-14-e-conf-26–2.pdf (дата обращения: 28.03.2025 г.).

[59] Там же.

дения компетенции суда[60]. Данное понимание находит отражение в сформулированном ВС РФ принципе «эффективной юрисдикции», так как наличие у должника активов свидетельствует о «*максимально высоких основаниях для фактического исполнения*»[61] иностранного арбитражного решения и, как следствие, о наличии *prima facie* оснований для признания судом компетенции на рассмотрение заявления.

Действительно, кредитору нет смысла обращаться в суд для принудительного взыскания по арбитражному решению в стране, где у должника нет имущества. Однако лишение его заранее права на подачу заявления и тем более возможный впоследствии отказ в приведении в исполнение, если место нахождения должника расположено за рубежом (если следовать буквальному толкованию статьи 242 АПК РФ), чрезмерны и необоснованны. Даже если учесть, что резервация статьи 3 Конвенции, согласно которой регулирование процедуры приведения в исполнение осуществляется на национальном уровне, создает некую свободу в регулировании этого вопроса, делает она это с одной важной поправкой — такие нормы в любом случае не должны содержать ограничений, которые делают невозможным или крайне затруднительным исполнение иностранных арбитражных решений.

2.1.5 Установление компетенции для цели приведения в исполнение арбитражных решений в некоторых иностранных судах

Суды договаривающихся государств, как правило, не обуславливают приведение в исполнение иностранных арбитражных решений наличием активов[62]. Тем не менее, в вопросе установления компетенции некоторые юрисдикции требуют наличия имущества, в то время как требование о «неизвестности» должника — редкая девиация, которая встречается в России и также некоторых странах СНГ, где процессуальные кодексы во многом схожи с АПК РФ.

[60] Guide on the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards / UNCITRAL Secretariat. UN. New York, 2016. P. 80; Loukas A. Mistelis Concise International Arbitration (Second Edition) // Loukas A. Mistelis, Domenico di Pietro New York Convention, Article III [Obligation to recognise and enforce arbitral awards]. Kluwer Law International, 2015. P. 15.

[61] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.

[62] Guide on the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards / UNCITRAL Secretariat. UN. New York, 2016. P. 80.

а) Казахстан

Так, например, в Республике Казахстан подсудность в делах о принудительном исполнении иностранных арбитражных решений определяется аналогично российской норме с некоторыми незначительными отличиями (часть 1 статьи 503 ГПК РК[63]):

> «*[С]торона судебного, арбитражного разбирательства, в пользу которой вынесены данные акты, вправе обратиться с заявлением об их принудительном исполнении в суд по месту рассмотрения спора либо по месту жительства должника или по месту нахождения органа юридического лица, если место жительства или место нахождения неизвестно, то по месту нахождения имущества должника*» (выделено авторами).

Если статья 242 АПК РФ указывает именно на место нахождения самого юридического лица, которое определяется через место его государственной регистрации[64], то статья 503 ГПК РК определяет подсудность через место нахождения органа юридического лица (теория оседлости[65]). При буквальном толковании ГПК РК взыскатель может обратиться по месту нахождения имущества должника (применительно к юридическому лицу) только в случае, если место нахождения административного центра последнего неизвестно.

Буквальное толкование части 1 статьи 503 ГПК РК (так же, как и статьи 242 АПК РФ) лишает сторону, в пользу которой вынесено арбитражное решение, возможности привести в исполнение арбитражное решение в Республике Казахстан, даже если на ее территории расположены активы должника. Судебная практика Республики Казахстан подтверждает этот риск.

Например, в одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам Атырауского областного суда согласилась с выводом нижестоящей инстанции о том, что заявление о принудительном исполнении решения МКАС при ТПП РФ подлежит оставлению без рассмотрения с возвращением документов, поскольку «*по месту нахождения имущества*

[63] Кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изм.) (ГПК РК).

[64] П. 1 ст. 20 ГК РФ.

[65] Теория оседлости, в отличие от теории инкорпорации (в РФ), акцентирует внимание не на месте регистрации юридического лица, а на местоположении его центра управления. См. подробнее: Харькина К.В. Трансграничный корпоративный договор: особенности иностранного элемента // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 82–90.

должника заявитель может обратиться только в случае, если место нахождения органа юридического лица неизвестно»[66]. В этом деле было установлено, что действующий орган должника находился в Турции, а потому суд отказал в признании компетенции на рассмотрение заявления.

b) Узбекистан

Риск отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения из-за нахождения должника за рубежом следует и из нормы Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан (ЭПК РУ). Статья 249 ЭПК РУ[67] предусматривает:

«*Заявление о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или арбитража подается заявителем <…> по месту нахождения или месту жительства должника либо, если место нахождения или место жительства должника неизвестно, — по месту государственной регистрации должника*» (выделено авторами).

Такая норма о подсудности приводит к неразрешимой ситуации: если взыскателю неизвестно место нахождения должника, то он априори не сможет обратиться в суд по месту его государственной регистрации (так как оно ему неизвестно). Более того, если место нахождения должника известно, и это не Республика Узбекистан, то, следуя буквальному прочтению данной нормы (так же, как и в девиантной российской практике), заявитель не может обратиться в узбекский суд.

Недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РУ[68] пояснило и скорректировало норму, приведя ее в единообразие с нормой АПК РФ:

«*Дела о признании и приведении в исполнение решения суда иностранного государства или арбитража рассматриваются экономическим судом по месту нахождения либо по месту жительства должника, а в случае, если место нахождения или проживания должника неизвестны, — по месту нахождения его имущества*» (выделено авторами).

[66] Определение Атырауского областного суда от 04.03.2025 по делу № 2399–25–00–2ам/10.

[67] Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 01.04.2018 (с изм.).

[68] Пункт 62 Постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 27 от 20.11.2023 «О некоторых вопросах применения законодательных актов при рассмотрении экономическими судами дел с участием иностранных лиц».

Ввиду схожести норм судебная практика Республики Узбекистан повторяет девиации российской судебной практики.

Например, в одном из дел о приведении в исполнение решения МКАС при ТПП РФ суд установил, что иностранный должник является участником со 100% долей в уставном капитале общества, расположенного в Ташкентской области. Несмотря на наличие активов в Узбекистане, суд отказал в приведении в исполнение решения МКА, указав, что общество не отвечает по долгам своих участников. Суд проигнорировал то, что доля — это имущество, и на нее возможно было обратить взыскание[69].

При этом как в России, в Узбекистане существуют и обратные ситуации, при которых суд не устанавливает элементы двухфакторного теста вообще и «автоматически» признает свою компетенцию[70].

Судебная практика Казахстана и Узбекистана показывает, что проблема отказов в приведении в исполнение решений иностранных арбитражей на основании ошибочного применения норм о подсудности актуальна не только для России.

c) США

Для полноты анализа обратимся также и к опыту некоторых иностранных юрисдикций, считающихся проарбитражными.

Практика США показывает применение судами двух основных процессуальных доктрин для определения компетенции суда при рассмотрении заявления о приведении в исполнение иностранного решения: (1) персональная юрисдикция и (2) *forum non conveniens*[71].

Персональная юрисдикция американского суда считается установленной, если суд признает, что должник имеет настолько постоянные и систематические контакты с США, что, по сути, делает США местом его фактического нахождения (“*to render them essentially at home*”)[72]. Этот критерий не всегда легко доказуем. Так, например, в деле *Sonera Holding B.V. v Çukurova Holding A.Ş.* Апелляционный суд Второго округа

[69] Определение Ташкентского областного суда по экономическим делам от 29.07.2024 по делу № 4–11–2408/32.

[70] Определение Ташкентского областного суда по экономическим делам от 28.12.2020 по делу № 4–11–2012/9.

[71] Moses M. Principles of international commercial arbitration // Cambridge University Press, 2012. P. 214.

[72] *Daimler AG v. Bauman et al.*, Case No. 134 S. Ct. 746, 761 (2014); *Sonera Holding B.V. v. Çukurova Holding A.Ş.*, Case No. 750 F.3d 221 (2014) // Yearbook Commercial Arbitration XXXIX (2014), 613.

США указал, что персональная юрисдикция, в том числе по делам о приведении в исполнение арбитражных решений, не будет установлена в отношении должника, наличие у которого «контактов» с США основано исключительно на деятельности аффилированного с ним лица.

Прямо противоположный подход мы видим в уже упомянутом российском деле *Кимберли-Кларк*[73], где арбитражное решение было приведено в исполнение как раз ввиду нахождения на территории РФ лица, аффилированного с должником (т.е. против активов не самого должника, а его аффилированного лица — см. раздел 1.1 выше). В США взыскатель не смог бы привести в исполнение арбитражное решение в подобной ситуации, так как одной лишь аффилированности недостаточно для подтверждения постоянных и систематических связей должника с юрисдикцией. Более того, в рамках персональной юрисдикции США необходимо также проверить наличие активов[74], что не было сделано судом в деле *Кимберли-Кларк*, где суд ограничился установлением наличия на территории РФ компании, входящей с должником в одну группу компаний.

В свою очередь, доктрина *forum non conveniens* является инструментом для предотвращения перегруженности судебной системы делами с иностранным элементом. Иначе говоря, она разработана для того, чтобы препятствовать превращению судебной системы в «*суд для всего мира*»[75].

Forum non conveniens предполагает сравнение США как подходящую юрисдикцию для целей приведения в исполнения с другими возможными форумами рассмотрения дела[76]: в самом начале суд определяет, существует ли более подходящий альтернативный суд[77]. Если суд установит наличие хотя бы одной такой юрисдикции, то далее он

[73] Определение Арбитражного суда Московской области от 11.10.2024 по делу № А41–72465/2024.

[74] Например, в деле *Base Metal Trading Ltd v. OJSC Novokuznetsky Aluminium Factory* суд не признал персональную юрисдикцию, поскольку имущество (алюминий), на которое взыскатель ссылался в качестве основания для установления постоянных и систематических связей, не имело отношения к предмету спора и подтверждало лишь единичную поставку должника в США. См. также *Glencore Grain Rotterdam B.V. v. Shivnath Rai Harnarain Co.*, 284 F.3d 1114, 1128 (2002).

[75] *Monegasque De Reassurances S.A.M. (Monde Re) v Nak Naftogaz of Ukraine*, 158 F. Supp. 2d 377, 382 (2001) // Yearbook Commercial Arbitration XXVII (2002), P. 710.

[76] Dimitri Santoro Forum Non Conveniens: a Valid Defense under the New York Convention. P. 715.

[77] Например, в деле *Zeevi Holdings Ltd. v The Republic of Bulgaria* окружной суд Южного округа Нью-Йорка признал, что поскольку соглашение об арбитраже предусматривало, что решение может быть приведено в исполнение только в Болгарии, адекватным альтернативным форумом является болгарский суд (напротив, в Израиле по аналогичному заявлению того же взыскателя к тому же должнику суд привел в исполнение арбитражное решение).

взвешивает фактор частного (удобство форума для сторон, например, срок и стоимость разбирательства) и фактор публичного интереса (удобство для самого суда рассматривать дело, в том числе перегруженность судов), чтобы определить, следует ли рассматривать дело в американском или все же в альтернативном суде.

В отличие от *forum non conveniens* российский принцип эффективной юрисдикции не предполагает поиск альтернативного форума и определение баланса частного и публичного интересов, а требует установления судом «*максимально высоких оснований для фактического исполнения*» арбитражного решения[78].

Неудивительно, что процессуальные доктрины, применяемые американским судом при установлении юрисдикции в подобных делах, считаются одними из самых сложных для взыскателя среди национальных режимов, поэтому часто подвергаются критике (учитывая, что США — государство-участник Нью-Йоркской конвенции)[79].

В качестве показательного примера можно привести два дела, рассмотренных судом Израиля и судом США. В обоих делах суды рассмотрели заявления взыскателя о принудительном исполнении одного и того же арбитражного решения. Американский суд применил *forum non conveniens*, сославшись на выбранный сторонами форум для приведения в исполнение, и прекратил производство[80]. В то же время израильский суд признал свою компетенцию и удовлетворил заявление, указав, что отказ в приведении в исполнение арбитражного решения возможен лишь на основании статьи 5 Нью-Йоркской конвенции, а *forum non conveniens* в число оснований для отказа не входит[81].

d) Китай

Другим примером форума с наиболее прогрессивным для взыскателя режимом регулирования выступает Китай и действующий Гражданский процессуальный кодекс КНР (**ГПК Китая**).

[78] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.

[79] Andreas Börner, New York Convention, Article III [Recognition and Enforcement of Arbitral Awards; General Rule] / Herbert Kronke, Patricia Nacimiento, et al. (eds) // Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: A Global Commentary on the New York Convention (Second Edition). Kluwer Law International, 2024. Pp. 115–148.

[80] *Zeevi Holdings Ltd. v The Republic of Bulgaria*, District Court, Southern District of New York, United States of America, 29 March 2011, 09 Civ. 8856 (RJS) // Yearbook Commercial Arbitration XXXVI (2011), 464.

[81] *Zeevi Holdings Ltd. (in receivership) (Israel) v The Republic of Bulgaria*, District Court of Jerusalem, Israel, 13 January 2009 // Yearbook Commercial Arbitration XXXIV (2009), 632.

Если старая редакция ГПК (статья 290) предусматривала возможность обращения с заявлением в суд альтернативно либо по месту нахождения стороны, против которой испрашивается исполнение иностранного арбитражного решения, либо по месту нахождения ее имущества, то после реформы 2023 г. в новую редакцию ГПК Китая (статья 304) добавилась возможность обращения в суд даже при отсутствии места нахождения должника и его имущества на территории Китайской Народной Республики[82].

Текущее правило (абзац 2 статьи 304 ГПК Китая) представляет собой пример максимально прокредиторского подхода в части выбора удобного форума, так как позволяет заявителю обратиться в суд как по месту своего нахождения, так и по месту, имеющему тесную связь со спором, по которому вынесено арбитражное решение.

Возможность обращения в суд, даже когда у должника нет ни места нахождения, ни активов в Китае, существенно расширяет возможности взыскателя по сравнению с иными, более сложными юрисдикциями (например, США) или странами с ограничительным подходом (как Казахстан и Россия[83]).

е) Германия

Регулирование Германии также отличается прокредиторским и проарбитражным подходом.

Часть 2 статьи 1062 Гражданского процессуального кодекса ФРГ (**ГПК ФРГ**)[84] предусматривает альтернативную территориальную подсудность Высшим региональным судам и субсидиарную подсудность Каммергерихт[85]:

- если *место нахождения стороны*, против которой вынесено иностранное арбитражное решение, находится в Германии, то дело подсудно Высшему региональному суду по месту нахождения должника;
- если *имущество должника* расположено в Германии, то дело подсудно Высшему региональному суду по месту нахождению имущества;

[82] Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики с внесенными изменениям. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/中华人民共和国民事诉讼法#第二十六章_仲裁 (дата обращения: 28.03.2025).

[83] Если мы рассматриваем судебную практику с девиантным подходом.

[84] Гражданский процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии (с изм.).

[85] Специальный термин для обозначения Высшего регионального суда в Берлине.

- если место нахождения *имущества*, являющегося *предметом спора* арбитражного разбирательства, расположено в Германии, то дело подсудно Высшему региональному суду по месту нахождению имущества;
- во всех иных случаях дело субсидиарно подсудно Каммергерихт (т. е. юрисдикция по остаточному принципу).

В случае, если выполняются все три первые привязки (должник и его активы находятся в Германии, а предмет спора в иностранном арбитраже касался обстоятельств, затрагивающих имущество в Германии), то выбор суда принадлежит взыскателю[86]. При этом для того, чтобы Высший региональный суд установил свою компетенцию на основании привязки через место нахождения имущества должника, необходимо доказать наличие такового на территории района конкретного суда[87].

В свою очередь, Каммергерихт, который взыскатель вправе выбрать субсидиарно, не признает свою компетенцию, если у правоотношения между взыскателем и должником нет никакой связи с Германией и нет никаких признаков того, что арбитражное решение может быть приведено в исполнение в Германии в какой-либо момент в будущем[88]. Такой подход схож с российским принципом эффективной юрисдикции, сформулированным Верховным Судом РФ в деле *Майр-Тельновой* (когда предъявление решения к принудительному исполнению по месту нахождения имущества «*позволяет испытывать взыскателю разумные ожидания на эффективное и быстрое исполнение*»[89]). Представляется, что решение немецкого законодателя и сформировавшаяся практика немецких судов является удачным примером имплементации прокредиторской модели альтернативной юрисдикции, так как позволяет использовать различные привязки (факторы) для установления немецким судом своей компетенции. Такой подход максимально соответствует целям принятия Нью-Йоркской конвенции.

[86] OLG Köln 10.12.2001, SchiedsVZ 2003, 238; Heinz Thomas, Hans Putzo, Zivilprozessordnung (34th Edition). München, 2013. § 1063 para. 4. Cited at: Hans-Patrick Schroeder, Wiebke Wortmann, Part II: Commentary on the German Arbitration Law (10th Book of the German Code of Civil Procedure), Chapter IX: Court Proceedings, § 1062 — Jurisdiction // Patricia Nacimiento, Stefan M. Kröll, et al. (eds), Arbitration in Germany: The Model Law in Practice (Second Edition). Kluwer Law International, 2015. P. 528.

[87] OLG Frankfurt 23.03.2011.

[88] KG Berlin 10.08.2006, SchiedsVZ 2007, 108 (112).

[89] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.

f) Индия

Российский двухфакторный тест наиболее схож с существующей практикой индийских судов, которые указывают, что заявление о признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть подано как по месту нахождения должника, так и по месту нахождения его активов, если должник не находится на территории Индии[90]. Еще в 1995 г. Верховный Суд Индии указал, что исполнение иностранного арбитражного решения может быть осуществлено в любом месте в Индии, где находится имущество проигравшей стороны[91].

При этом индийский подход не предполагает возможность подачи заявления по месту нахождения имущества должника только в случае, если место нахождения самого должника неизвестно.

Резюмируя, при корректном толковании статьи 242 АПК РФ российское регулирование приведения в исполнение иностранных арбитражных решений не является исключительным и схоже с подходами иных юрисдикций (например, Индии), где для определения компетенции суда во внимание принимаются место нахождения самого должника и его активов. Девиации, встречающиеся в российской практике, также не исключительны и встречаются в практике соседних стран (например, Казахстана и Узбекистана).

При этом ни историко-правовой анализ нормы, ни ее соотношение с Нью-Йоркской конвенцией, ни сравнительно-правовой анализ не позволяют считать верным буквальное толкование части 1 статьи 242 АПК РФ, встречающееся в российской практике. На самом деле, данную норму следует рассматривать как своего рода «путеводитель», помогающий взыскателю выбрать тот субъект Российской Федерации, в компетентный суд которого следует подать заявление, аналогично тому, как работают все иные правила определения подсудности между судами одного вида.

При этом для выработки более гибких подходов к вопросу приведения в исполнения арбитражных решений полезным выступают опыт Германии (проарбитражный подход) и Китая (протекционистский для кредиторов подход). Взыскателю в этих странах гораздо легче привести в исполнение иностранное решение (как минимум, с точки зрения

[90] *Executive Engineer v Atlanta Limited*, 2014, 11 SCC 619; Tata International Ltd v Trisuns Chemical Industry Ltd (2001) SCC Online Bom 905; *Wireless Developers Inc v. India Games Limited* (2012) SCC Online Bom 115.

[91] *Brace Transport Corporation of Monrovia v. Orient Middle East Lines Ltd.* (1995) Supp 2 SCC 280.

установления юрисдикции суда) ввиду широкого набора нормативно закрепленных привязок для выбора компетентного суда.

Наконец, подход, применяемый в США, отличается наибольшими сложностями для взыскателя. Справедливо будет сказать, что в отсутствие у должника «постоянных и систематических связей» с США, привести в исполнение арбитражное решение будет крайне сложно (если вообще возможно).

3. Проблема (Б): Анализ категории «имущество» по статье 242 АПК РФ

Помимо рассмотренной выше девиантной практики, существует еще одна проблема установления компетенции российского суда. Даже если российский суд будет следовать двухфакторному тесту, судебная практика показывает, что нередко возникают вопросы по поводу того, какое имущество иностранного должника будет считаться достаточным для признания компетенции суда и выполнения фактора-2 теста.

3.1 Виды имущества для установления компетенции

Как известно, понятие «имущество» сформулировано законодателем открытым перечнем оборотоспособных объектов гражданских прав, которые включают в себя, среди прочего, вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права) и иные объекты[92]. Ниже мы рассмотрим, как отдельные виды имущества влияют на возможность установления юрисдикции: какие из них признаются практикой релевантными или «подходящими», а какие — нет.

a) Недвижимое имущество и транспортные средства

Несмотря на бесспорное отнесение законодателем как вещей, так и имущественных прав к категории «имущество», вопросов с признанием судом компетенции не возникает, пожалуй, только с недвижимо-

[92] Статья 128 ГК РФ, пункт 1 статьи 129 ГК РФ.

стью[93] и транспортными средствами[94]. Это может быть связано с рядом факторов.

Во-первых, часть 1 статьи 38 АПК РФ устанавливает исключительную подсудность для споров, связанных с недвижимостью, а пункт 2 части 1 статьи 248 АПК РФ предусматривает аналогичную норму в целях установления компетенции российских судов в делах с участием иностранных лиц. В связи с этим место нахождения недвижимости является понятной и устоявшейся «привязкой» для установления как внутренней территориальной подсудности, так и компетенции российского суда. Соответственно, использование места регистрации недвижимости в качестве фактора для установления юрисдикции по статье 242 АПК РФ по критерию наличия имущества в РФ не вызывает сложностей у судов.

Во-вторых, права как на недвижимость (статья 131 ГК РФ), так и на транспортные средства[95] подлежат обязательной регистрации. Регистрация прав на подобные объекты привязывает их к конкретным локациям[96], что создает понятную правовую связь между объектом имущества и его местом нахождения — конкретной юрисдикцией. Более того, государственный учет означает доступность информации о таких объектах имущества и возможность их идентификации. Обычно суды (по ходатайству заявителя) направляют запросы в Росреестр или ГИБДД об истребовании доказательств, чтобы выяснить наличие или отсутствие имущества в России у стороны, против которой вынесено иностранное арбитражное решение.

[93] Определение Арбитражного суда Республики Крым от 06.04.2018 по делу № А83–19881/2017; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2020 по делу № А40–270774/2018.

[94] Определение Арбитражного суда Омской области от 12.10.2023 по делу № А46–14313/2022.

[95] Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм.).

[96] Например, при регистрации транспортного средства в банки данных вносятся сведения об адресе проживания или нахождения владельца на территории РФ (даже если таковым является иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо). См. подробнее пп. 11–12 Постановления Правительства РФ от 21.12.2019 № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Правилами государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»).

Так, в деле *СРЗ против Ардемар Марин Лимитед*[97] в обоснование заявления о приведении в исполнение арбитражного решения взыскатель ссылался на принадлежность иностранному должнику кранового судна, находящегося в порту Новороссийск, прямо отнесенного абзацем 2 пункта 1 статьи 130 ГК РФ к недвижимому имуществу.

Однако суд первой инстанции в этом деле некорректно применил статью 242 АПК РФ: в связи с известностью места нахождения должника он пришел к выводу об отсутствии компетенции по рассмотрению заявления, но при этом все равно рассмотрел его по существу, для чего исследовал вопрос о принадлежности имущества должнику. В результате суд отрицательно ответил на этот вопрос и отказал в удовлетворении заявления[98].

Кассационный суд отменил данное определение, но прекратил производство по делу. Кассация указала на недоказанность принадлежности судна иностранному должнику, так как сведения, указанные заявителем, не подтверждались информацией, полученной по запросу иностранного суда из компетентного органа[99]. Представляется, что кассация верно применила двухфакторный тест, поскольку исследовала фактор-2 и прекратила производство в связи с его недоказанностью.

Но как мы покажем далее, проблема возникает с иными видами имущества, помимо недвижимого или транспортных средств. Так, некоторые суды отказывают в признании компетенции на рассмотрение заявления о приведении в исполнение арбитражных решений в силу узкого толкования категории «имущество», сводя ее лишь к объектам материального мира с пространственными характеристиками. Очевидно, что имущественные права, включая цифровые активы, должны также учитываться при решении вопроса об установлении компетенции суда.

b) Денежные средства на банковском счете

Статья 128 ГК РФ прямо относит «безналичные деньги» к имущественным правам, которые, в свою очередь, входят в категорию «имущество». Однако такой объект не всегда является «подходящим» имуществом при применении статьи 242 АПК РФ.

[97] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.04.2019 по делу № А32–17485/2018.

[98] Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 08.01.2019 по делу № А32–17485/2018.

[99] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.04.2019 по делу № А32–17485/2018.

Так, в деле *Дабл-ю-Джей Холдинг Лимитед против Приднестровской Молдавской Республики*[100] взыскатель просил привести в исполнение решение Международного арбитражного суда при Международной торговой палате, обосновывая наличие компетенции российского суда на рассмотрение заявления, в частности, наличием денежных средств должника на счетах в одном из российских банков.

Однако Арбитражный суд города Москвы, исследуя довод заявителя о наличии имущества, пришел к выводу о недоказанности такового и возвратил заявление, указав, что «*<…> денежные средства на банковском счете не являются материальным объектом (имуществом)*»[101].

Примечательно, что ни кассационный суд[102], ни ВС РФ[103] при обжаловании данного судебного акта не исправили ошибку нижестоящего суда, ограничившего термин «имущество» лишь вещами. Более того, судья ВС РФ указал, что заявитель не доказал наличие «*имущества, которое может быть использовано в коммерческих целях*»[104], при том, что такое условие не предусмотрено ни статьей 242 АПК, ни разъяснениями ВС РФ в качестве требования для определения подсудности.

Очевидно, нет никаких оснований для вывода, что денежные средства на банковском счете не учитываются в качестве имущества (в силу прямого отнесения имущественных прав как имуществу) при установлении судом компетенции, что подтверждается многочисленной практикой по другим делам данной категории[105].

Комментируемое дело поднимает и другую проблему, связанную с категорией «имущество»: деньги, находящиеся на банковском счете, не имеют физического местоположения в традиционном смысле. Существование безналичных денежных средств в виде записи по счету[106] (как ни странно) создает трудности для отдельных судов при определении юрисдикции.

[100] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.06.2021 по делу № А40–128695/2021.
[101] Там же.
[102] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.09.2021 по делу № А40–128695/2021.
[103] Определение ВС РФ от 12.01.2022 № 305-ЭС21–25630 по делу № А40–128695/2021.
[104] Там же.
[105] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 26.11.2024 по делу № А40–153530/2024; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № А40–189018/2019.
[106] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Глория"».

Так, в указанном деле заявитель утверждал, что у Приднестровской Молдавской Республики «*на территории г. Москвы имеется имущество, а именно счета в банках*»[107]. Однако, единственный банк (ЗАО «Приднестровский сбербанк»), где у должника были открыты счета, не имел филиалов или представительств за пределами Приднестровья. Все международные платежи в адрес должника осуществлялись через банки-корреспонденты, в том числе через российские банки. По логике заявителя в момент, когда денежные средства, направленные должнику, находились на корреспондентских счетах российских банков, у должника было имущество в России.

Суды не дали подробного анализа данному доводу заявителя, ограничившись указанием на то, что «*денежные средства клиентов кредитной организации, зачисленные на их банковские счет <…> представляют собой обязательственные права требования клиентов к данной кредитной организации*»[108].

Мы предполагаем, что территориальная принадлежность банка, в котором был открыт счет заявителя (счет был открыт именно в ЗАО «Приднестровский сбербанк»), могла выступить еще одним основанием для отказа в признании компетенции российского суда. Действительно, банки часто используют счета, открытые в банках-корреспондентах, для проведения международных расчетов, что означает, что фактически денежные средства могут находиться в разных юрисдикциях. Однако корреспондентские счета открываются для совершения операций между банками (или их филиалами)[109]. Корреспондентский счет является счетом самого банка, то есть представляет собой право требования банка-респондента к банку-корреспонденту (а не право требования клиентов банка-респондента), а потому (применительно к делам о приведении в исполнение) не подтверждает наличие имущества должника в России (фактор-2).

c) Иные имущественные права (включая бездокументарные ценные бумаги, доли и иные права требования)

К категории «имущественные права» относятся не только безналичные денежные средства, но и, например, иные права требования,

[107] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.06.2021 по делу № А40–128695/2021.
[108] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.06.2021 по делу № А40–128695/2021.
[109] Пункт 2.4. Инструкции Банка России от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» (с изм.).

в том числе доли в уставном капитале[110]. Как показывает практика, у российских судов с этим видом имущества также возникают сложности.

Например, в деле *Истмаркет Грейн ЛЛП*[111] о приведении в исполнение решения Арбитража Международной ассоциации торговли зерном и кормами (GAFTA) суд возвратил заявление взыскателя, посчитав, что принадлежащие иностранному должнику акции российского общества не подтверждают наличие имущества у должника в России:

> *«Ссылка заявителя на то, что Компания с ограниченной ответственностью «Старглоуб Лимитед» приобрела по договору купли-продажи ценных бумаг от 06.07.2011 у гр. Рашникова С.Ф. акции АО «Управляющая компания «Профит» (в количестве 609 000 штук, по цене 20 395 410 долларов США, лишь представляют собой обязательственные права.*
>
> *Таким образом, ценные бумаги не являются материальным объектом (имуществом)»* (выделено авторами)[112].

Кассационный суд ошибку нижестоящего суда не устранил и оставил определение о возвращении заявления в силе[113]. Более того, кассация указала на возможность заявителя обратиться по месту нахождения должника, при том, что такое обстоятельство не указано ни в АПК РФ, ни в Нью-Йоркской конвенции и (как мы указали ранее) является необоснованным. Суды посчитали, что имущественные права в виде акций не являются подходящим имуществом для целей установления эффективной юрисдикции суда, и сделали не основанный на статьях 242 АПК РФ и 128 ГК РФ вывод об отсутствии у должника «*материального объекта (имущества)*». Тем самым суды неверно применили фактор-2.

Стоит отметить, что подобный подход ограничительного толкования категории «имущества» также встречается в практике судов СНГ. Например, в одном из узбекских дел суды не признали имуществом наличие у иностранного должника 100% долей в уставном капитале общества, зарегистрированного в Узбекистане, указав на то, что дочер-

[110] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.09.2025 по делу № А53–35288/2024.

[111] Определение Арбитражного суда Челябинской области от 22.03.2023 по делу № А76–8417/2023.

[112] Там же.

[113] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.09.2023 по делу № А76–8417/2023.

нее общество не отвечает по обязательствам материнской компании[114]. Суды проигнорировали, что доля и есть имущество, принадлежащее должнику, на которое можно обратить взыскание для целей приведения в исполнение арбитражного решения.

На наш взгляд, обращение взыскания именно на имущественные права (в т. ч. на денежные средства, доли и акции) на этапе исполнительного производства происходит гораздо быстрее и в целом эффективнее, чем на любое другое имущество. В этой связи судебная практика по статье 242 АПК РФ, предусматривающая узкое толкование категории «имущество», противоречит не только статье 128 ГК РФ, но принципу «эффективной юрисдикции», равно как Нью-Йоркской конвенции, которая не содержит каких-либо исключений относительно категорий имущества, на которое может быть обращено взыскание при исполнении решения иностранного арбитража.

Тем не менее, российской практике известны случаи, когда юрисдикция суда была установлена на основании прав требований из договора. Так, в деле *Анахата Солюшнс С.Р.О. против Племзавод Алабота* взыскатель (Словакия) в обоснование наличия у иностранного должника (Казахстан) имущества ссылался, в частности, на права требования должника к российскому обществу из договора купли-продажи крупнорогатого скота[115]. В этом деле суд при новом рассмотрении установил свою компетенцию и привел в исполнение иностранное решение[116].

d) Расширительное применение фактора-2

Однако практика российских судов знает и другую крайность, при которой фактор-2 применяется необоснованно широко.

Так, на наш взгляд, является обоснованным, что наличие филиалов или представительств должника на территории России, а также состояние должника на учете в налоговых органах позволяет суду признать свою компетенцию[117]. Такие обстоятельства, как уже было указано выше (раздел 1.1), учитываются на практике именно в рамках установ-

[114] Определение Ташкентского областного суда по экономическим делам от 29.07.2024 по делу № 4–11–2408/32; см. анализ этого дела в разделе 1.4 статьи.

[115] Определение Арбитражного суда Омской области от 03.11.2023 по делу № А46–14311/2022.

[116] Там же.

[117] См., например, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 09.09.2024 по делу № А40–50240/2024.

ления имущества у должника (фактор-2), а не для проверки его места нахождения (фактор-1), в силу привязки фактора 1 к месту регистрации должника (формальный критерий). Но существуют и более неочевидные примеры, когда суд признавал свою компетенцию.

Например, в деле *Кимберли-Кларк*[118] суд привел в исполнение решение Стокгольмского арбитража, установив свою компетенцию на основании признания должника и российского лица единым экономическим субъектом ввиду вхождения их в одну группу компаний. Это, по мнению суда, подтверждало наличие имущества на территории России именно у самого должника.

Однако само по себе одно лишь присутствие в РФ российского общества из международной группы компаний, в которую входит должник, при отсутствии прямого участия должника в уставном капитале российского общества[119], не доказывает наличие имущества, принадлежащего самому должнику. И тем более не говорит о принадлежности имущества российского общества другому юридическому лицу (хотя бы и состоящему в одной группе).

В другом деле, *Майзус против Кантон Бизнесс Корпорейшен*[120], российский суд признал наличие компетенции на рассмотрение заявления взыскателя на основании принадлежности должнику (зарегистрированному на Сейшелах) электронного кошелька, находящегося в России на счете третьего лица.

Так, у должника был открыт криптокошелек на иностранной платформе. Если должник хотел пополнить кошелек, то он перечислял денежные средства на банковский счет его держателя (платформы) в РФ.

Несмотря на то, что по общему правилу денежные средства на расчетном счете представляют собой права требования самого владельца счета к банку, а в данном деле владельцем счета выступало третье лицо, суд учел соглашение об электронном кошельке между платформой и держателем кошелька, которое устанавливало принадлежность средств должнику[121], и удовлетворил заявление.

---

[118] Определение Арбитражного суда Московской области от 11.10.2024 по делу № А41–72465/2024.

[119] При этом такое лицо не является дочерним обществом, следовательно, обратить взыскание на долю было невозможно.

[120] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № А40–189018/2019.

[121] При этом полагаем, что возможность договорного установления особого режима счета (к выгоде третьего лица) может не в полной мере соответствовать российскому банковскому регулированию.

Анализ практики показывает, что не каждое имущество иностранного должника подходит для установления юрисдикции российского суда по рассмотрению заявления о приведении в исполнение арбитражного решения.

Если классические виды имущества, как, например, недвижимое имущество, бесспорно принимаются для установления подсудности, то с иными категориями (пусть даже и прямо предусмотренными статьей 128 ГК РФ, такими как имущественные права), у российских судов иногда возникают сложности из-за необоснованно узкого толкования категории «имущество». Однако такое толкование является ошибочным. Оно, во-первых, не учитывает буквальные положения статьи 128, а во-вторых, противоречит принципу эффективной юрисдикции, так как лишает кредитора возможности получить фактическое исполнение по решению.

Напротив, установление компетенции на основании категории «иного имущества» представляет собой пример прокредиторского подхода, так как упрощает приведение в исполнение арбитражных решений, особенно в условиях постоянных изменений в финансовых технологиях и легализации новых форм активов, таких как цифровые валюты (в том числе криптовалюты).

3.2 Момент, на который суд проверяет наличие имущества

Многие виды имущества могут быть легко перемещены в пространстве, из-за чего имущество может существовать в одной юрисдикции в момент подачи заявления о приведении в исполнение, однако в ходе разбирательства оно может перейти к другому лицу или быть перемещено должником в другую страну.

Представляется, что если на момент проверки судом наличия имущества оно отсутствует, то не выполняется условие для установления юрисдикции суда (фактор-2), и удовлетворение заявления не допустимо. Однако, если причиной перемещения имущества становятся недобросовестные действия должника, то вопрос становится менее очевидным и требует дополнительного анализа.

Так, в ситуациях недобросовестного поведения должника, если суд будет учитывать наличие имущества у должника только на какой-то отдельный момент в период рассмотрения дела (а не на более ранний момент подачи заявления), это может привести к ситуации, когда приведение в исполнение решения станет невозможным из-за намеренного

перемещения активов должником. В связи с этим, при рассмотрении заявления о приведении в исполнение арбитражного решения важно учитывать: (a) наличие имущества должника как на момент подачи заявления, так и сведения об имуществе, поступившем к должнику в ходе процесса, а также (b) любые действия должника, направленные на сокрытие или вывод активов (в случае их последующего выбытия). Анализ обоих факторов позволит избежать ситуации, при которой суд придет к выводу об отсутствии компетенции, несмотря на наличие сведений об имуществе на момент подачи заявления.

Такой вывод следует из связанных дел, рассмотренных на основании заявлений о приведении в исполнение иностранных решений, поданных одним и тем же взыскателем (Анахата Солюшнс) против должников, зарегистрированных в Казахстане[122].

В делах *Анахата Солюшнс против Племзавод Алабота* и *Анахата Солюшнс против Агрофирма Кзылту-НАН* на первом круге суды пришли к выводу об отсутствии компетенции на рассмотрение заявлений и прекратили производство, мотивируя это отсутствием «*имущества на территории РФ на момент рассмотрения дела*»[123].

Прекращая производство по заявлению в первом деле, суд анализировал наличие у должника имущества не на момент подачи заявления о приведении в исполнение[124], а на более поздний момент его рассмотрения[125], и не учитывал предшествующие действия должника по выводу или сокрытию своего имущества, совершенные в период рассмотрения дела, на что верно обратила внимание кассация[126]:

> «*При новом рассмотрении дела следует учесть изложенное в настоящем постановлении в соответствии с частью 2.1 статьи 289 АПК РФ, установить юридически значимые обстоятельства, связанные с местонахождением имущества товарищества, обсудить вопрос о наличии злоупотребления в действиях участвующих в деле лиц, связанных с уклонением от принудительного исполнения, и перемещения техники в ходе рассмотрения настоящего дела, исследовать все представленные участвующими в деле лицами доказательства, при необходимости — запросить новые доказательства, после чего установить наличие либо отсутствие законных оснований для признания и приведения иностранного арбитражного решения <…>*» (выделено авторами).

Кассационный суд в деле *Анахата Солюшнс против Кзылту Астык* дополнительно сделал важный вывод о том, что для целей установления наличия имущества при наличии доводов о недобросовестном сокрытии имущества должника у своего аффилированного лица на территории другого государства, «*достаточно установления судом вероятности нахождения имущества должника на территории Российской Федерации*»[127].

В делах *Анахата Солюшнс против Племзавод Алабота* и *Анахата Солюшнс против Агрофирма Кзылту-НАН* при новом рассмотрении суды признали действия должника по сокрытию имущества в ходе рассмотрения дела недобросовестными, направленными на попытку избежать исполнения решений, и, установив наличие имущества на момент подачи заявлений, признали свою компетенцию на рассмотрение дела[128].

С одной стороны, такой подход можно считать разумным. Это важно для обеспечения защиты прав взыскателя. Оба фактора (наличие имущества как на момент подачи заявления, так и после подачи, и равно действия должника по его выводу в ходе рассмотрения дела) имеют значение и должны быть учтены судом при принятии решения о своей компетенции.

Иной подход создавал бы ситуацию, при которой взыскатель должен был «гнаться» за имуществом должника, который перемещает его из одной юрисдикции в другую сразу же после подачи против него заявления о принудительном исполнении арбитражного решения. В результате взыскатель окажется в ловушке бесконечных процессов из-за недобросовестного поведения должника, что само по себе неэффективно.

Например, можно представить ситуацию, когда недобросовестный должник, владелец дорогой картины Энди Уорхола «Один доллар»,

---

[122] Дела №№ А46–14311/2022 (*Анахата Солюшнс против Племзавод Алабота*), А46–14312/2022 (*Анахата Солюшнс против Кзылту Астык*), А46–14313/2022 (*Анахата Солюшнс против Агрофирма Кзылту-НАН*).

[123] Определение Арбитражного суда Омской области от 07.02.2023 по делу № А46–14313/2022.

[124] Этот момент определялся через представленные взыскателем акты совершения исполнительных действий и осмотра имущества, составленные примерно за 3 недели (29.07.2022) до подачи заявлений (16.08.2022).

[125] Этот момент определялся через представленный обществом, на территории которого находилось имущество должника, акт осмотра машин, составленный примерно через полгода после подачи заявлений (06.01.2023).

[126] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.05.2023 по делу № А46–14313/2022.

[127] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2023 по делу № А46–14312/2022.

[128] Определения Арбитражного суда Омской области от 03.11.2023 по делу № А46–14311/2022, от 12.10.2023 по делу № А46–14313/2022.

«гастролирует» по миру, выставляя ее на показ, и меняет дислокацию, как только против него подается заявление. При этом кредиторы вполне могли бы заранее получить предварительные обеспечительные меры и арестовать картину, но практически это не всегда бывает возможно (у них просто может не быть сведений об ее экспозиции). Правопорядок не должен способствовать созданию таких ситуаций.

С другой стороны, условие о наличии имущества (фактор-2) подтверждается принципом эффективной юрисдикции. Если суд выносит определение о приведении в исполнение решения, но имущество в России отсутствует (или его невозможно найти), это ставит под сомнение саму целесообразность принятия такого решения. Следовательно, если имущество должника в конкретной юрисдикции отсутствует, это может указывать на то, что такая юрисдикция неэффективна.

Когда на одной чаше весов находятся интересы взыскателя, приводящего сведения о нахождении имущества на территории РФ на момент подачи заявления, а на другой — отсутствие имущества на момент вынесения решения, на наш взгляд, выбор суда должен быть сделан в пользу первого, что позволит пресечь недобросовестные действия должника, уклоняющегося от исполнения арбитражного решения.

3.3 Действия суда по установлению имущества в РФ

В знаковом деле *Майр-Тельновой* ВС РФ не только сформулировал принцип эффективной юрисдикции, но и уделил внимание действиям самого суда при оказании содействия заявителю в получении доказательств о наличии у должника имущества в РФ.

В указанном деле заявитель для подтверждения довода о наличии у должника (гражданина Великобритании) имущества ходатайствовал о направлении судом запросов, в частности, в Федеральную налоговую службу и банки для получения соответствующей информации. При этом должник не отрицал наличие у него счетов в банках. Несмотря на это суд первой инстанции (с которым согласилась кассация) отказал в направлении запросов, ограничившись лишь данными из реестра недвижимости и реестра транспортных средств об отсутствии имущества.

Оценивая действия нижестоящих судов, ВС РФ указал, что те «*не оказали заявителю содействие в сборе доказательств об имуществе должника, которые он сам собрать объективно не мог*»[129]. Направляя дело на новое рассмотрение, он указал на необходимость

[129] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.

направить соответствующие запросы об истребовании информации у компетентных органов для получения доказательств, свидетельствующих о наличии активов на территории РФ.

Таким образом, ВС РФ сформулировал достаточно благоприятный для заявителя стандарт доказывания, указав, что заявителю при подаче заявления достаточно сослаться на обстоятельства, презюмирующие наличие имущества (как, например, в деле *Майр-Тельновой* — заявитель указал на наличие банковских счетов у должника), а суды должны оказать содействие в получении необходимых доказательств.

Этот подход, на первый взгляд, отличается от общего правила распределения бремени доказывания: бремя доказывания на лице, которое ссылается на соответствующее обстоятельство (в данном случае — наличие активов), в обосновании подсудности дела суду (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). С другой стороны, позиция ВС РФ не противоречит нормам АПК РФ, согласно которым в случае невозможности самостоятельного получения доказательств взыскатель может подать ходатайство об истребовании (ч. 4 ст. 66 АПК РФ)[130], а суд, в свою очередь, обязан оказать содействие в получении доказательств, необходимых для разрешения дела (п. 3 ч. 1 ст. 135 АПК РФ).

При этом в деле *Майр-Тельновой* для установления имущества должника даже не требовались дополнительные действия судов, поскольку ответчик в своих пояснениях признавал факт наличия счетов[131], то есть суду следовало просто применить норму части 3.1 статьи 70 АПК РФ. Более того, это уже свидетельствовало о соблюдении взыскателем фактора-2 при подаче заявления. Вместо установления фактора-2 и, как следствие, признания своей компетенции, суд первой инстанции проигнорировал факт признания должником данного обстоятельства.

Действия суда по установлению имущества иностранного должника в России были исследованы и в упомянутом выше деле *Майзус против Кантон Бизнесс Корпорейшен*[132]. В нем заявитель ссылался на наличие у иностранного должника (Сейшеллы) денежных средств, находящихся на балансе электронного кошелька на территории РФ. Доводы о наличии имущества взыскатель основывал на систематическом пополнении должником своего кошелька, что подтверждалось следующими доказательствами:

[130] См. также абз. 3 п. 16 Постановление Пленума ВС РФ от 04.06.2024 № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде».
[131] Определение СКЭС ВС РФ от 20.01.2020 № 305-ЭС19–17404 по делу № А40–45916/2018.
[132] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № А40–189018/2019.

- должник пополнял баланс на своем электронном кошельке путем перечисления денежных средств платформе — держателю электронного кошелька;
- правила об использовании электронного кошелька (заключены между должником и держателем) предусматривали, что владельцем денежных средств, перечисленных для его пополнения и находящихся на его балансе, остается должник, который вправе ими распоряжаться;
- счет держателя, на который должник перечислял денежные средства для пополнения электронного кошелька, был открыт в российском банке. Соответственно, договорный режим денежных средств на этом счете относил их принадлежность должнику.

Для получения дополнительных доказательств, подтверждающих наличие денежных средств должника в РФ, взыскатель ходатайствовал об истребовании судом сведений обо всех счетах, открытых в российском банке, у держателя, которому должник перечислял денежные средства, о поступлении средств на эти счета должника и об основаниях перечисления должником средств с данных счетов. Суд отказал в его удовлетворении[133], указав на недоказанность заявителем наличия имущества у должника.

Кассационный суд не согласился с определением нижестоящего суда и посчитал вывод суда об отсутствии имущества преждевременным, указав на необходимость оказания содействия заявителю в истребовании информации о счетах держателя и установления факта нахождения денежных средств на электронном кошельке[134].

На новом круге суд истребовал указанные сведения по ходатайству заявителя, после чего было установлено, что должник действительно систематически перечислял денежные средства держателю с указанием в назначении платежа своего наименования. И хотя суд так и не установил, что денежные средства перечислялись именно в целях пополнения электронного кошелька, а не по иному основанию (например, оплаты по договорам), суд все равно удовлетворил заявление[135].

Таким образом, хотя наличие активов иностранного должника в РФ является обязательным для признания компетенции суда, заявитель не обязан прикладывать экстраординарные усилия для получения точных

[133] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 10.08.2020 по делу № А40–189018/2019.
[134] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.10.2020 по делу № А40–189018/2019.
[135] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № А40–189018/2019.

сведений о наличии имущества должника. Достаточным на этапе подачи заявления будет привести конкретные сведения о предполагаемом наличии имущества. Если заявитель представил такие сведения, то суд в принципе может презюмировать наличие имущества у должника и оказать содействие для поиска (точной идентификации) его имущества.

Однако взыскатель не вправе заниматься «выуживанием» доказательств (*fishing expedition*). Представляется, что для обеспечения принципов состязательности и равноправия сторон содействие суда в сборе доказательств должно ограничиваться выполнением следующих условий (a) заявитель сам ходатайствует об истребовании конкретных доказательств об имуществе, (b) обосновывает отсутствие возможности получить их самостоятельно, (c) приводит косвенные доказательства, подтверждающие его наличие (например, фактическое осуществление деятельности на территории РФ).

Должник в любом случае вправе опровергнуть приведенные доводы о наличии у него имущества на территории РФ (например, получить письмо из банка об отсутствии счетов или письмо из компетентных органов об отсутствии имущества).

4. Заключение

Несмотря на относительную простоту данной категории дел, как мы видим, на практике встречаются проблемы с установлением компетенции российского суда при рассмотрении заявлений о приведении в исполнение арбитражных решений. Это вызвано неоднозначной формулировкой части 1 статьи 242 АПК РФ и части 9 статьи 38 АПК РФ.

И даже с учетом разъяснений ВС РФ в деле *Майр-Тельновой*, распространивших на данную категорию дел принцип эффективной юрисдикции, все равно встречаются дела, в которых суды толкуют статью 242 буквально: отказывают в рассмотрении заявлений в случае, если место нахождения иностранного должника известно. Тем самым сохраняется риск необоснованного ограничения возможности установления компетенции российского суда несмотря на наличие активов иностранного должника в РФ.

Сохранившийся в судебной практике (не являющейся превалирующей) подход к буквальному толкованию статьи 242 (*Проблема (A)*) говорит о необходимости изменения формулировки нормы части 1 данной статьи в соответствии с историей ее создания, а также с учетом

целей Нью-Йоркской конвенции и положительного опыта иных правопорядков.

Для обеспечения единообразия в применении части 1 статьи 242 АПК РФ в нее можно внести следующие уточнения:

- повторить норму статьи 410 ГПК РФ:

  «*… в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника, а в случае,* ***<u>если должник не имеет места нахождения или места жительства в Российской Федерации либо</u>*** *место его нахождения неизвестно, по месту нахождения имущества должника*» (выделено авторами); либо
- дополнить формулировкой, что место нахождения (место жительства) неизвестно именно в России:

  «*… в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника либо, если его место нахождения или место жительства* ***<u>в Российской Федерации</u>*** *неизвестно, по месту нахождения имущества должника*» (выделено авторами);
- исключить фразу о неизвестности места нахождения:

  «*… в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника либо,* ***~~если его место нахождения или место жительства неизвестно~~****, по месту нахождения имущества должника*» (выделено авторами).

Ни один из предложенных вариантов не вводит кардинально новых подходов и соответствует положительной практике ВС РФ о приведении в исполнение арбитражных решений против иностранных должников, поэтому законодательная имплементация любого варианта не должна вызвать трудностей. Альтернативно вопрос может быть разрешен посредством принятия разъяснений Пленумом ВС РФ.

В свою очередь, для решения проблемы узкого толкования судами категории «имущества» (*Проблема (Б)*) не требуется внесение изменений в существующее законодательство, так как норма ГК РФ и так устанавливает открытый перечень видов имущества, включая имущественные и цифровые права. Девиации, при которых суды ограничивают перечень имущества при установлении компетенции лишь материальными объектами и исключают из него нематериальные (имущественные права), вызваны не дефектными формулировками закона, а лишь его неправильным применением. Для их устранения достаточно будет принятия Пленумом ВС РФ разъяснений.

НОРМАТИВНЫЙ ЗАСТОЙ В ИНВЕСТИЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ АРБИТРАЖ КАТАЛИЗАТОРОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА?

1. Введение

В последние годы резко увеличилось количество исков иностранных инвесторов к государствам в связи с принятием мер, направленных на борьбу с экологическим кризисом (таких как отмена новых проектов в сфере добычи энергоресурсов, отказ от производства невозобновляемой энергии и так далее). В связи с этим, в международном сообществе активно обсуждается проблема «нормативного застоя» (англ: *regulatory chill*), которая предполагает, что инвестиционный арбитраж становится препятствием для принятия государствами мер, необходимых для предотвращения угрозы мирового экологического кризиса.

Обосновывается это тем, что усиление государствами мер по защите окружающей среды и сопутствующее изменение законодательства и регулирования приводят к многочисленным искам иностранных инвесторов о компенсации убытков в связи с негативным влиянием таких изменений на осуществление бизнеса инвесторами. С целью избежать подобных потенциальных исков от инвесторов, некоторые государства склонны отказываться от имплементации мер, направленных на предотвращение климатического кризиса. Принимая во внимание возможные негативные последствия такой тенденции для экологических вопросов, в международном сообществе обсуждается необходимость отзыва государствами согласий на урегулирование споров с иностранными инвесторами в международном арбитраже на основании инвестиционных договоров.

Авторы: Мальцева Анна Владимировна – советник юридической фирмы Mansors; Каджая Нано Тенгизовна – юрист юридической фирмы Mansors.